

© 2025 Я. О. Гудзова
Москва, Россия

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ АНТРОПОНИМЫ
В РОМАНЕ И. С. ШМЕЛЕВА
«ПУТИ НЕБЕСНЫЕ»**

Аннотация. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о формально-функциональном разнообразии антропонимов романа «Пути небесные», отличительными особенностями которых является наличие прототипов и подчиненность стремлению Шмелева к новой эстетике и его желанию «обожить» литературу. Концептуальная для писателя идея духовного роста и борьбы со страстями реализуется в семантике этимологически значимых имен Виктора Вейденгаммера и Дарьи Королевой. Именник последней неравномерно распределяется по полюсам греха и святости с доминированием положительных коннотаций в именовании героини, которая остается незапятнанной в самых двусмысленных романовых ситуациях. Шмелев пользуется всеми возможностями называния главных и второстепенных персонажей, включая разнообразные формы имени, обращение по отчеству, прозвища, appellативную лексику, прием безымянности, уподобление героям русской и мировой литературы. Имена собственные также позволяют писателю воссоздать атмосферу Москвы второй половины XIX в. В целом литературные антропонимы отражают авторский замысел, сопрягают сюжетные линии произведения, характеризуют героев и отношения между ними, а также актуализируют интертекстуальные связи произведения.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, «Пути небесные», литературный антропоним, имя, духовный роман, интертекстуальность.

Ссылка при цитировании: Гудзова Я. О. Литературные антропонимы в романе И. С. Шмелева «Пути небесные» // Традиции и современность. 2025. № 42. С. 61–69

Гудзова Ярослава Олеговна (Gudzova Yaroslava Olegovna) – доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных наук Московского международного университета, эл. почта: disava@yandex.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6441-8156>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2025. № 42. С. 61–69

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoslavie.ru>

УДК – 821.161.1; ББК – 83.3 (2Рос = Русл); <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2025-42/61-69>

Незаконченный роман И. С. Шмелева «Пути небесные», задуманный как книга итогов, долгое время оставался на периферии внимания как зарубежных, так и отечественных исследователей. После первых, по большей части неодобрительных откликов на роман, который критики расценивали как слабое произведение большого таланта, в его изучении наступил длительный перерыв. Интерес к «Путям небесным» возобновился только в последние десятилетия, когда была по достоинству оценена уникальность шмелевского опыта, где сочетаются документальная основа и вымысел, художественное взаимодействует с агиографическим, а новаторство является следствием глубочайшей традиционности.

Дерзновенный замысел «духовного романа» во многом реализуется через систему литературных антропонимов как важнейших элементов образной и сюжетно-мотивной организации художественного пространства, обладающих возможностями для выявления подтекстовых связей и концептуальной основы произведения. Исследование имен собственных «Путей небесных» позволит расширить представление об особенностях поэтики позднего Шмелева, что послужит важным звеном в формировании целостной концепции его творчества.

Антропонимическое пространство романа «Пути небесные» включает большое количество именований, поражающих богатством и разнообразием. Это имена главных, второстепенных, эпизодических и внесценических персонажей, упоминания исторических личностей, литературных, библейских и фольклорных героев.

Отличительной особенностью именника «Путей небесных» является наличие прототипов у главных героев романа. Так, указанием на подлинность фамилии Виктора Алексеевича Вейденгаммера начинается повествование: «Фамилия Вейденгаммер упоминается в истории русской словесности: в 30–40-х годах прошлого века в Москве был “благородный пансион” Вейденгаммера, где готовились к университету дети именитых семей, между прочим – И. С. Тургенев» (Шмелев 2008: 5).

Предположение о подлинности основных событий романа впервые было высказано А. В. Амфитеатровым, сообщившим о реальном факте похищения белицы из Страстного монастыря: «Скандал вышел громкий: похитителем был знаменитый при-сяжный поверенный Федор Никифорович Плевако. Не это ли приключение взял И. С. Шмелев в основу своего романа?» (Любомудров 2023: 496). Критик также высказал суждение о возможном прототипе князя Вагаева: «Не знаю, простым ли совпадением прозвища народился в “Путях небесных” игрушечный гусарик, или И. С. Шмелев использовал для

этой фигуры действительное лицо со схожими приметами – “карманного гусарика” Сумского полка, тоже родственника знаменитого “хозяина Москвы”, князя Владимира Андреевича Долгорукова, и тоже удалого повесы...» (Любомудров 2023: 496).

Факты, приведенные в статьях Ю. А. Кутыриной, подтверждают биографические данные о Викторе Вейденгаммере, дяде Ольги Александровны Шмелевой, и его невенчанной жене Дарье Королевой (Кутырина 1957). История жизни прототипов шмелевского романа была детально изучена А. М. Любомудровым, доказавшим, что «Шмелев воссоздал судьбу, некоторые детали биографии и характеры реальных людей, которых вывел под своими собственными именами» (Любомудров 2025). Писателю было важно подчеркнуть жизненность и правдивость истории «...человеческой души, руководимой Божественным Промыслом и ведущей духовную брань с силами зла» (Любомудров 2025).

Своеобразие антропонимического комплекса «Путей небесных» и закономерности его функционирования в полном соответствии с авторским замыслом отражают особенности «духовного романа»: «...В художественном произведении имена личные – неотъемлемый элемент стиля, без соотнесения с которым нельзя ими пользоваться» (Никонов 1974: 235). Связь имен главных героев с идеей духовного возрождения подчеркнута приемом обнажения замысла. Писатель акцентирует этимологическое значение римского по происхождению имени Виктор, «победитель» (Бек 2014: 245), и греческого Дарья, «побеждающая» (Бек 2014: 259), со- и противопоставляя героев. Так, Даринька одерживает победу над собой с духовной помощью отца Варнавы, тогда как для Вейденгаммера она сама выступает в роли водительницы. Начавшая свой путь в монастыре, героиня Шмелева становится «единым светом жизни» для интеллигента-скептика, при этом оказывается, что один из ее предков – прославленный Церковью святой.

В этой связи уместно вспомнить высказывание П. Флоренского, который утверждал, что имя выражает определенный тип личности, «духовное строение» которой проявляется как реализация потенциала имени в пространстве художественного произведения через «отношение духовной сущности – к другому» (Флоренский 2000: 182).

Будучи сильным выразительным средством, этимологически значимые имена имеют свои слабые стороны. По мнению В. А. Никонова, нарочитость таких имен, «...играющая роль там, где художественной основой служит гипербола, в ином стиле нарушает жизненность» (Никонов 1974: 239–240). Этой опасности не избежал и Шмелев. Первые критики романа небезосновательно усматривали в

сюжете и образах «Путей небесных» черты заданности, преднамеренности и программы, сказывающиеся тенденциозностью и неправдоподобием. Г. П. Струве, например, считал, что «ни самое Дариньку, ни ее отношения к Вейденгаммеру нельзя признать убедительными» (Любомуров 2023: 643).

Смысловая доминанта имени победительной героини сочетается в романе со значением понятия «дар». Именно так оценивает Вейденгаммер роль монастырской послушницы в своей судьбе: «Он сказал на звезды: “когда-то искал я, там...” Она спросила: “что искал, кого?.. Бога, да?..” Он не ответил. – Она опять спросила, робко: “что же, нашел?..” Он притянул ее к себе, нашел ее дыханье и поцелуями шептал ей: “нашел... тебя, пресветлую... в ту ночь... когда искал я Бога... и – дар нашел, Его”» (Шмелев 2008: 56).

Эта идея отражена в уменьшительной форме имени героини с учетом различных фонетических вариантов и соответствующих апеллятивов: Дара, Дари, Дариня, Дариночка, Даренок, дар, дареная. Показательно, что именем Дари называл героянью и Вагаев, оказавшийся более Вейденгаммера восприимчивым к преображающему действию светоносной послушницы. В романе она также Даша, Дащенка, Дайнька, Даринька. Разнообразие форм имени иллюстрирует отношения персонажей и служит средством характеристики.

Последний вариант именования героини самый частотный в романе, тогда как в случае с Вейденгаммером наиболее востребованной формой оказывается Виктор Алексеевич. Примечательно, что уменьшительная форма имени Вейденгаммера в «Путях небесных» используется единственный раз, в финальной сцене второго тома, когда героиня одаривает возлюбленного Евангелием: «Вот, Витя... от меня, тебе. Витя... Это слышал он в первый раз: другую ласку, ближе. <...> Лучше не могу тебе. Тут – все» (Шмелев 2008: 604). Указанный антропоним означает не только новый уровень отношения героя, но и особый этап жизни как «путь восхождения» и духовного преображения.

Есть в романе уменьшительные формы имени и даже фамилии Вагаева: Дима, Дима Вагаев, Димочка, Вагайчик. Грубо-фамильярные Викторка и Димка малочастотны и являются не столько характеристиками именуемых, сколько именующих лиц: таким образом героев называют тетя Паня и барон Ритлингер. В обоих случаях речь идет об уничижительно-презрительном отношении к персонажам.

Имена героев шмелевского романа представлены также традиционной трехчленной формулой (фамилия, имя, отчество) и вариантами имени в сочетании с апеллятивами, указывающими на социальный статус, пол, род занятий: инженер-механик

Виктор Алексеевич Вейденгаммер, Виктор Алексеевич, Виктор; золотошвейка Дарья Ивановна Королева, Дарья Ивановна, Дарья, девица Королева, девица Дарья Королева; Дмитрий Павлович Вагаев, князь Д. П. Вагаев, князь Вагаев, Вагаев, гусарчик князь Вагаев, лейб-гвардии гусарский ротмистр Вагаев, ротмистр лейб-гвардии гусарского Его Величества полка князь Вагаев Дмитрий, гусар Вагаев; барон Александр Адольфович Ритлингер, почетный опекун, барон Ритлингер; Павел Кириллович Кузюмов, барин Кузюмов; Владимир Андреевич Долгоруков, генерал-губернатор, хозяин Москвы и другие.

Показательно, что неверная супруга Вейденгаммера не удостаивается традиционного трехчленного наименования. В «Путях небесных» героиня названа Анной Васильевной, госпожой Вейденгаммер, бывшей госпожой Вейденгаммер. Это единственный случай в романе, когда эквивалентом имени оказывается местоимение «она». Неудивительно, что автором неодобрительно-неуважительной формы именования оказывается обманутый муж: «И вот когда то случилось, – рассказывал Виктор Алексеевич, – она... – он никогда не говорил “жена”, – она мне с усмешкой бросила: “Никакого разврата, а... физиологический закон отбора... и зависит от наших настроений!”» (Шмелев 2008: 7–8). Лицемерным «Аничка» героиню награждает сводня тетя Паня, поучающая Дариньку: «Про Аничку его (Вейденгаммера. – Я. Г.) неизвестно, все шито-крыто, а перед людьми свята... вот и бери пример» (Шмелев 2008: 207).

Реже трехкомпонентными антропонимами называют эпизодических и внесценических персонажей. К примеру, степенный ямщик так представляется Виктору Алексеевичу: «Донцовы мы, нас все знают. А я, сталось, Арефа Костикиныч Донцов» (Шмелев 2008: 366). Он же называет и несостоявшегося жениха Настеньки, сына фабриканта, Ивана Петровича Клушкина. Антропонимические и апеллятивные способы именования в романе органично взаимодействуют, создавая целостное представление о персонажах.

Именослов героев «Путей небесных», в первую очередь это касается Дариньки, включает нарицательные существительные с определениями или без них, существительные с оценочными суффиксами или субстантивированные части речи в роли имен собственных. Такие именования героини содержательно значимы, особенно в сочетании с оценочными словами: сиротка, золотошвейка, от Канителева, монастырка, черничка светлая, чудесный, святой ребенок, девочка, бедная девочка, милая девочка, ласточка-девонька, девчонка, живая канареечка, живая куколка, простая девушка, девушка-маст-

рица, юница чистая, ангел, богиня, цеховая, барыня, сероглазая, светлая, чистая, бесценная, явленная, иконная, святая, несравненная, неземная, целомудренная, смиренная, пречистая, смиренница, монашка, а также грешница, кокотка, блудница, любовница, сдержанка, распутница, прелестница и др.

В большинстве случаев определения возлюбленной принадлежат Вейденгаммеру: «Не девушка, не юница, а... иная, преображенная, новая» (Шмелев 2008: 38). И далее: «Виктор Алексеевич... повторял, вкладывая в слова всю нежность: “Бедная моя... глупенькая моя, Даринька”. Называл ее “дареная моя, дар мой”, приводил ей все доводы, что нет ничего греховного, и если все разобрать, то тут, может быть, “рука ведущая”... что, если бы не встретилась она, не осияла его душу, он погиб бы... это через нее он делается лучше, самое она святое, и такой он больше и не найдет, и нет такой, такой чистоты, ребенка, такой пречистой!» (Шмелев 2008: 53–54).

Виктору Алексеевичу вторит влюбленный гусар. По дороге в оперу «Вагаев взял Даринькину руку и говорил, волнуясь, что это самый счастливый день, что она – “мечта”, влекущая, недостижимая, вечная, воплотившаяся чудесно, неуловимая. Если бы он не знал всей чистоты и святости, которые волглились в ней, он обманулся бы и сказал, что она самая опасная кокетка. Говорил что-то непонятное, называл “тициановской женщиной”... “Но не та вы, не та, которую видели с вами у Авандо. «Лаура де Дианти»... – только овал вашего лица. Ваши глаза неповторимы... ни у одной Мадонны...” Говорил возбужденно, страстно и называл – графиня. <...> “Земного имени нет у вас, небесная вы, пречистая... Святая Дева!..” – воскликнул он, совершенно безумствуя» (Шмелев 2008: 282).

Исследователь И. М. Лисенкова обращает внимание на то, что в художественной системе романа «Пути небесные» «...образно-смысловое развертывание имени и фамилии (Дарья Королева) происходит благодаря семантике слов, в структуре лексического значения которых присутствуют компоненты “побеждающая”, “мудрая”, а также слов, ассоциативно связанных с фамилией – Королева, Царица: Царевна, Графиня, Княгиня, Пречистая, Жемчужина...» (Лисенкова 2013: 241).

На протяжении всего повествования в образе Дариньки последовательно реализуется концептуальная для «духовного романа» семантика детскости и святости. Сложный именник героини является неотъемлемой частью ее романной судьбы, во многом предопределенной значением имени. Связь многочисленных именований духовной водительницы Вейденгаммера последовательно формирует образ верующей героини.

По наблюдениям исследователей, имена таких персонажей в «Путях небесных» соответствуют православным нормам именаречения в новозаветном и ветхозаветном вариантах традиции: либо в память ближайшего ко дню крещения святого, либо в честь предков, чаще всего отца или матери (Ефремов, Ефремова 2017: 23–24).

Богатая и разнообразная система имен Дарьи Королевой более других демонстрирует тексто- и смыслообразующие возможности литературных антропонимов и служит ключом к решению вопроса о художественном своеобразии произведения. На ее фоне апеллятивные именования Вейденгаммера и Вагаева, тоже достаточно многочисленные и разнообразные, выглядят скромнее и являются, главным образом, указаниями на статус и род занятый персонажа.

Вейденгаммер в романе – инженер, инженер В., образованный инженер, инженер-механик, инженер-бессребреник, колледжский советник, барин, серьезный барин, добрый барин, милый барин, господин инженер, особенный господин, святой господин, тридцатиреходний господин, философ-астроном и др. Соответственно, Вагаев – офицер, офицер лейб-гвардии, господин офицер, богатый офицер, хороший офицер, господин ротмистр, богач, князь, гусар, гусарчик, игрушечный гусарчик, лейб-гусар, петербургский лейб-гусар, племянник, крестничек, черномазый, сорвиголова, романтик, великий грешник и обольститель, повеса-полувер XIX века. О герое известно, что «...сам государь сказал про него – “безумная голова...”» (Шмелев 2008: 101).

Для дяди-барона, пытающегося соблазнить Дариньку, племянник – пустельга, мальчишка и ветер. Виктор Алексеевич называет Вагаева обольстителем и пустоватым малым. Офицер не остается в долгу и, возмущенный «петербургской историей», награждает Вейденгаммера «шпаком» и «трусом».

Шмелев пользуется всеми возможностями именования героев как важнейшего изобразительно-выразительного средства. Так, он активно обращается к антропонимам русской и мировой литературы как именам с «готовой литературной репутацией» (Никонов 1974: 237). Шмелев при этом не стремится заменить именованием образ, напротив, подчеркивает его полноту и сложность, даже polemическую ориентацию на традицию. Так, судьба Дарьи Королевой должна была стать развитием и продолжением русской классики в плане изображения идеального женского образа. Такой прием именования расширяет читательское представление о герое и его бытованиях в меняющихся романых обстоятельствах, служит средством характеристики образа и актуализации интертекстуальных связей произведения.

К Дариньке применимы сразу несколько разнородных имен, которые могут быть авторской характеристикой, принадлежать другому персонажу или служить примером самоаттестации.

Первая литературная параллель возникла у Вейденгаммера: «Он перечитал – что-то его толкнуло – “Дворянское гнездо”, и вот Лиза Калитина чем-то напомнила ему Дариньку...» (Шмелев 2008: 37). Сравнение шмелевской героини с характеристикой ее литературной предшественницы, представленной в «Словаре литературных типов», во многом оправдывает подобное сближение.

Кротость, цельность, женственность и одновременно внутренняя сила роднят «святых» героинь Тургенева и Шмелева. Даринька, как и Лиза, – «...одна, чистая, беспримесная любовь, без вражды и ненависти, – любовь, являющаяся выражением того наивысшего этического начала, которое дано в Нагорной проповеди» (Носков 1907: 93). Но если героиню Тургенева нельзя представить «загипнотизированной» страстью, «...хотя бы эта страсть и не вела к необходимости поступиться излюбленными идеями» (Носков 1907: 93), то шмелевская Даринька наделена врожденной страстностью и подвержена влиянию обольщающей прелести, как в метеином эпизоде с влюбленным в нее офицером: «...Ей казалось, что она с Димой – Дария и Хрисанф, супруги-девственники, презревшие “вся мира сего сласти”, и Бог посыпал им венец нетленный, – “погребстися под снежной пеленою”, как мученики-супруги были погребены “камением и перстью”» (Шмелев 2008: 269). Для восторженной героини «...игрушечный гусарчик и крылатый Архистратиг соединились в Вагаеве, и в метели открылось Дариньке, что назначено ей судьбой “повенчаться духовно” с Димой!» (Шмелев 2008: 270). Несмотря на глубокое и искреннее чувство к Лаврецкому, Лиза свободна от власти земной любви. Однако именно это чувство помогает Дариньке бороться с грехом и вдохновляет на путь духовного водительства.

В истории с Вагаевым героиня уподобляет себя Татьяне Лариной: «Татьяна была она сама, тайно влюбленная, отданная судьбой другому: а он был Дима, “гусарчик” – так называла в мечтах его, – великий грешник и обольститель, но добрый, милый, чудесный Дима...» (Шмелев 2008: 198). Зимний наряд героини наводит Вейденгаммера на мысль об «ожившей Снегурке», а на представлении «Конька-Горбунка» в Большом театре Вагаев примеряет на Дариньку образ Царь-Девицы.

На маскараде потерявший голову барон называл Дариньку «сбежавшей монашкой», «мортанатической графиней Д.», «праправнучкой... святителя». Светские дамы сплетничали, что «...это “новая котка”, стиль-нуво под Гретхен» (Шмелев 2008: 289).

Именования, называющие «женщин дурной славы», достаточно многочисленны в романе. При посещении монастыря бывшую послушницу гневно честит полуородивая мать Иустина: «Блудница, распутница, в Пречистую плонула, променяла на сладенько, шлюха, франтиха, трепохвостка...» (Шмелев 2008: 230).

Но строже всех судит себя сама героиня, для которой распутство – не только увлечение Вагаевым, но и двусмысленное положение в невенчанном союзе с Вейденгаммером. В романе именно Виктор Алексеевич впервые сравнивает героиню с «прелестницей» из Четыи-Миней. Это в шутку сказанное слово Даринька поняла по-своему: «Да, я была блудница, прелестница. <...> Знаю, не обидеть меня – сказал, а дано было ему сказать так, чтобы я образумилась» (Шмелев 2008: 113). Потом сравнение с «такой» женщиной возникает у героини на бегах, когда вызывающий вид заставил ее устыдиться собственного отражения в зеркале: «“Да и в самом деле... – подумала она с горечью, – а кто же я?” – и вспомнила про св. Таисию-блудницу...» (Шмелев 2008: 117). Воскрешая в памяти историю с Вагаевым, Даринька не щадит себя: «Блудница, грешница... – все равно. Я себя разжигала мыслями, – писала она в “записке к ближним”, – припоминала самое искушающее, что читала в Четыи-Минеи о Марии Египетской, о преподобной Таисии-блуднице, о мученице Евдокии, “яже прельяною своею красотою многие прельщающи, аки сетию улови”, о волшебной отроковице-прелестнице Мелетинии на винограднике, о преподобном Иакове-Постнике, о престрашном грехе его. В грехах их искала оправдания страстям своим и искушала Господа» (Шмелев 2008: 273–274).

Обидные слова, которыми обзывают героиню неверная жена Вейденгаммера, так и не решается повторить богобоязненный Карп: «Даринька поняла, какое слово не сказал Карп. Конечно, “любовница”, “блудница”, как сказала тогда монахиня-сборщица на Тверской. Такая и есть, и все за глаза так и называют» (Шмелев 2008: 272).

За пределами литературных антропонимов круг женских типов, с которыми на сюжетно-мотивном и жанровом уровне перекликается образ шмелевской героини, гораздо более широк. (Дзыга 2013: 37–51).

Различные имена Дариньки, их формы и варианты распределяются по голосам персонажей, выражая отношения привязанности, страсти, любви, поклонения, уважения или осуждения и неприязни, которые в совокупности служат характеристике образа и раскрытию авторского замысла. В целом именник героини неравномерно распределяется по полюсам греха и святости, земного и небесного, телесного и духовного со значительным перевесом в сторону положительных коннотаций в именова-

ния светоносной героини, которая вопреки художественной правде остается нравственно чистой в самых двусмысленных романских ситуациях.

Связь земного и небесного в романе Шмелева обнаруживается также в церковных формах имен Дария, Димитрий, Алексий. О значении немирского варианта имени возлюбленной Вейденгаммер серьезно задумывается в Ютово, когда благотворное действие Дариньки на окружающих становится особенно заметным: «В действительности это было началом ее господства, оправданием имени – Дария, во исполнение слова отца Варнавы: “победишь”. <...> Тут не гётевское “извечно женственное”, а глубже. Барон Ритлингер кощунственно называл ее “пречистой”, вольничал поэтически Вагаев. И я не раз ужасал ее, именя... <...> Мог ли я думать, что скромница окажется сильней насильников, слабая будет ломать крепышей!...» (Шмелев 2008: 401).

Ономастиконы Вейденгаммера и Вагаева тоже сопричастны потенциалу известных литературных типов, которые подсвечивают их образы. Так, встреча с Даринькой на Страстной площади кажется Вейденгаммеру приключением в духе романтических героев Марлинского или Карамзина. Мысли о самоубийстве и посмертных «перспективах» сближают Вейденгаммера с Базаровым, а одержимость страстью роднит с лермонтовским Демоном. В то же время в Левине Толстого Виктора Алексеевича более других привлекает идея жизни для «общих целей». Слухи о причинах резкого поворота в карьере талантливого инженера окружающие увязывают с историей в духе французской литературы: «Рассказывали, что... фантазер Вейденгаммер... разошелся с женой, женился без огласки на романтичной красавице, ради нее выбрал такое захолустье... – во вкусе Руссо и какой-то героини Жорж-Занд, – и только из любви к путейской работе не бросает службу, хоть и миллионер» (Шмелев 2008: 357–358).

Вагаев в истории с Даринькой уподобляется Онегину, Вейденгаммер считает его «беспутным Дон-Жуаном», а на представлении «Фауста» к героям «Путей небесных» приложими литературные маски Фауста, Мефистофеля и Маргариты.

Образ помещика Кузюмова тоже связан сразу с несколькими литературными именами. В романе он и «полный нигилизм», и «мрачный демон», и отчасти «бедный рыцарь». Кстати, в судьбе барышни «очень хорошего семейства», которую Кузюмов на пару с Вагаевым сначала похитили, а потом поклонялись ей как «прекрасной dame», просвещивают история Лизы Калитиной и предыстория Дариньки: «Пели гимны, воскуряли духи и называли богиней. <...> Кончилось хорошо, но Аничка без ума влюбилась в того гусара. А тот сказал, что недостоин ее любви. <...> И что же... она ушла в монастырь» (Шмелев

2008: 434). Дядя ямщика Арефы прямо предопределяет романную судьбу Вейденгаммера: «Дядя мой в Оптину в монахи ушел...» (Шмелев 2008: 366).

Интертекстуальные возможности имен собственных в романе Шмелева расширяются за счет внесценических персонажей. К примеру, старик Вейденгаммер, по рассказам Виктора Алексеевича, напоминал Карла Ивановича из «Детства» и «Отрочества» Толстого.

Шмелевские герои помещены в широкий историко-культурный и житейски-обиходный контекст столичной жизни, воссоздающий посредством имен узнаваемую общественную, бытовую и духовную атмосферу Москвы второй половины XIX в. Нередко в описании реалий столичной жизни возникают знаковые имена и названия. Это упоминание фамилий графа Шереметьева, князя Долгорукова, магазинов гастрономщика Андреева, кондитера Абрикосова, часовщика Мозера, ювелира Хлебникова, купца-меховщика Михайлова, шляпного магазина мадам Аннет, банкирской конторы Юнкера, Голицынской и Мариинской больниц, а также других примет столичной жизни того времени.

Показателен в этом смысле круг интересов Вейденгаммера. В юности это Вольтер и Руссо, потом Шеллинг, Гегель и Кант. В разгар романа с Даринькой «...Виктор Алексеевич интересовался Толстым, его народничеством и опрощением, и с увлечением читал “Анну Каренину”, печатавшуюся в “Русском вестнике”» (Шмелев 2008: 140). Его привлекали «Чтения о богочеловечестве» Вл. Соловьева, идеи которого оказали влияние и на Вагаева. Об этом можно судить по его письмам к Дариньке, которые, помимо идей молодого философа, содержали выдержки из Пушкина, Лермонтова, Гете, Розенгейма. И это неудивительно. Поэт, фантазер, романтик и просто «красивый малый», по мнению Кузюмова, был порядочно образованным: «При своем “донжуанстве” как-то ухитрялся находить время почитывать» (Шмелев 2008: 472).

Упоминание Шмелевым имен Тургенева, Толстого, Ушинского, Чайковского, Амвросия Оптинского, Варнавы и других исторических личностей создавало видимость документальности и правдоподобия. Например, об Аграфене Матвеевне известно, что она была дворовой Варвары Петровны Тургеневой, матери Ивана Сергеевича, а также знала Лукерью с хутора «Алексеевки», героиню рассказа «Живые монстры». Оказывается, муж Аграфены Матвеевны, Василий Поляков, когда-то был женихом Лукерью.

Исполнение Даринькой романса Чайковского на стихи А. К. Толстого «Благословляю вас, леса...» вдохновляет Виктора Алексеевича на письмо композитору: «Если бы слышал Чайковский, как она

пела их!.. Я послал ему благодарственное письмо, и он был добр любезно ответить мне. Прислал даже Дарье Ивановне свой портрет, в обмен на ее, тайно посланный ему мною, и надписал на нем: «Душе, постигшей Высшую Гармонию, не мою, конечно» (Шмелев 2008: 399). С образом Вейденгаммера Шмелев связывал большие планы: «Он у меня и с Толстым будет переписываться, и Пушкина открывать, и <...> «Бога искать» (Ильин 2000: 75–76).

Многочисленные в «Путях небесных» имена исторических личностей, представителей мировой науки и культуры обладают большим ассоциативным потенциалом, служат созданию атмосферы эпохи и демонстрации творческой индивидуальности автора. Помимо уже упомянутых, значимой лингвокультурной коннотацией обладают имена Ньютона, Лапласа, Сеченова, Ивана Грозного, императрицы Екатерины, Рафаэля, Жуковского, Пушкина, Достоевского, Льва Николаевича и Алексея Константиновича Толстых, Шопена и др.

В «Путях небесных» Шмелев попытался совместить не только документ и вымысел, но и традиции религиозной и светской литературы; неудивительно поэтому, что духовную поддержку верующая героиня ищет в сочинениях Святых Отцов и примерах из житийной литературы. «Пути небесные» изобилуют именами просиявших в истории Церкви святых: это пророк Иоанн Креститель; апостолы Петр и Павел; преподобные Иоанн Дамаскин, Исаак Сирин, Димитрий Прилуцкий, Макарий Великий, Сергий Радонежский, Евфросиния, Мария, Иаков-постник, Пафнутий, Амвросий Оптинский; святители Николай, Иоанн Златоуст, Василий Великий, Феофан Затворник; мученики Гурий, Самон, Авив, Никита, Евдокия, Варвара, Татьяна, Анастасия и др.

На страницах романа представлены иноческие имена героинь-монахинь как носительниц высшей религиозной истины и примеров нравственной чистоты: Агния, Ираида,魯菲娜, Виринея, Раиса, Анфиса, Иустина. В такой же роли в произведении выступают служители церкви и некоторые герои из народа. Это отец Никифор, богобоязненный дворник Карп, пономарь Акинфыч, «пчеляк» Егорыч, бывшая дворовая Аграфена Матвеевна, просвирня Марфа Никитишина, старушка-богаделка Прасковеюшка.

Многочисленные варианты уменьшительной формы имени в романе – не только свидетельства приязнского отношения к персонажу. Иногда это еще и знак возраста или социального статуса. Так, ласковых именований удостаиваются дети Вейденгаммера – Витя, Витенька, Аничка, юродивая Настенька, девочка Анюта, деревенские девушки Поля и Танюша, дочка попады Надя, Костя и Алеша Ютобы, горничная Груша, певцы цыганского хора из «Яра» – Вася Орлов, Глаша, Глашенька, Любаша.

В романе Шмелева есть повторяющиеся имена, например, Алеша, Анна, Павел, Дмитрий, Виктор.

Важным семантико-стилистическим приемом Шмелева является характерное для русского обычая именование героев по отчеству: Листратыч, Егорыч, Акинфыч, Савельич, Матвеевна, Пимыч, Касьяныч, Тихоныч. После встречи с Пимычем в романе об этом размышляет Даринька: «В церкви не было никого; только за священным ящиком возился со свечками и просвирками тощий стариочек. <...> Чистенький такой был, говорил говорком, с ухмылочкой, как говорят с детьми. Такие встречались ей на богомолье, в монастырях... Она знала, что такие уже не зовутся по имени, а ласковыми именами – Асеич, Митрич. Она спросила, как его звать. Он засветился лучиками: «А Пимыч я, милая барышня... Пимыч я, ктитором двадцать пятый годок у Покрова» (Шмелев 2008: 384).

Разнообразно в «Путях небесных» реализуется принцип безымянности. В романе есть персонажи, названные через упоминание рода занятий, должности, характера родственных связей или указание на иного рода отношения между героями, характерные приметы внешности или одежды: сослуживцы, половые, посыльный, попутчица, прелестница, бывший начальник Вейденгаммера, лицеист, племянник Виктора Алексеевича, купец в лисьей шубе, тетка, дьяконица-вдова, внучки Савельича и др.

Наименования обслуживающих порок лакеев сумрачного и безжизненного дома тети Пани содержат элементы описания и характеристики. В каждом налицо искажение человеческой природы: «Открыл парадное угрюмый человек в поддевке, оглядел мышими глазками»; «...другой человек в поддевке, косой и лысый, молча запер за ними дверь» (Шмелев 2008: 208, 209).

Во власти греха сама сводня, содержательница дома свиданий и бывшая любовница барона Ритлингера. Героиня просит называть ее тетей Паней, своих девушек именует племянницами, спекулирует на родственных чувствах, уговаривая Дариньку принять дорогой подарок барона: «Нет-нет, это же его обидит... он же почти родной, твой Виктор зовет его дядюшкой, а тебя, милочка, он за родную деточку считает, как эти куколки... и не думай отказываться, разве можно!...» (Шмелев 2008: 209).

Зло, которому служит барон Ритлингер, отражается не только во внешности, но и в имени, которое в романе несколько раз переиначивается (Рихлингер, Рихлиндер), что служит косвенным доказательством неподлинности и многоликисти героя.

Важным оценочно-смысловым инструментом называния являются прозвища. В романе Шмелева их удостаиваются немногие персонажи. В большинстве своем антропонимические мodi-

фикации подобного рода связаны с отношением говорящих к носителям имени. Так, Мухомор – второе имя садовника Дормидонта Каморова, данное герою Аграфеной Матвеевной. В прозвище – двойная мотивация: болезненная боязнь мух и неизменная «шляпа под мухомор», которой якобы страшатся насекомые. В сочетании ассоциативных рядов, связанных с прозвищем героя иозвучной со словом «комар» фамилией, – знак авторской иронии.

Еще одно прозвище ученого садовода интertextуального характера. «Может стоять часами и думать. На Сократа очень похож», – говорит о нем младший Ютов (Шмелев 2008: 403). Второе имя «темного» помещика Кузюмова – «господин Вольтер», в старшем Кузюмове – «что-то от Достоевского» (Шмелев 2008: 383).

Девяностолетний слуга отца Дариньки в свое время получил прозвище от хозяина. Оноозвучно

имени Макарий Силуаныч и одновременно указывает на особенность внешности. «Они меня Слонычем именовать изволили в приятную минуту... я крупный, а тогда каким я был... кавалергарда выше!..» – охотно рассказывал герой (Шмелев 2008: 507).

Таким образом, богатая и разнообразная система литературных антропонимов романа «Пути небесные» как важнейший элемент идейно-эстетической составляющей произведения проливает свет на особенности поэтики позднего Шмелева и является ключом к пониманию художественного своеобразия последней книги писателя. Исследование показывает, что именник произведения напрямую связан с авторским замыслом создания «духовного романа», подчинен стремлению писателя к новой эстетике и его желанию «обожить» литературу. Изучение антропонимов «Путей небесных» позволяет реконструировать уникальную картину мира православного писателя и оценить дерзновенность замысла его итоговой книги.

Источники и материалы

- Ильин 2000 – Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935–1946) / сост. и comment. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2000.
- Носков 1907 – Носков Н. Д. (сост.). Словарь литературных типов. В 7 т. Т. 1: Литературные типы Тургенева. Петербург: Всходы, 1907.
- Флоренский 2000 – Флоренский П. А. Сочинения. В 4 т. Т. 3 (2) / сост. игумен Андроник (А. С. Трубачев), П. В. Флоренский, М. С. Трубачева; ред. игумен Андроник (А. С. Трубачев). М.: Мысль, 2000.
- Шмелев 2008 – Шмелев И. С. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 12. М.: Сибирская Благозвонница, 2008.

Научная литература

- Бек А. Ф. (сост.). Святые угодники Божии в русских фамилиях: Этимологический словарь. Самара: Ас Гард, 2014.
- Дзыга Я. О. Творчество И. С. Шмелева в контексте традиций русской литературы. М.: БУКИ ВЕДИ, 2013.
- Ефремов С. А., Ефремова И. Л. Православные традиции имянаречения в творчестве И. С. Шмелева // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2017. № 3. С. 19–28.
- Кутырина Ю. А. «Пути небесные». Заметки к третьему ненапечатанному тому // Возрождение. 1957. № 66. С. 16–33; № 70. С. 59–72.
- Лисенкова И. М. Актуализация содержания имени собственного в произведениях И. Шмелева и М. Палей (на материале романа «Пути небесные» и повести «Кабирия с Обводного канала») // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 6. С. 239–244.
- Любомуров А. М. (сост.). И. С. Шмелев: pro et contra, антология. Т. 1. СПб.: РХГА, 2023.
- Любомуров А. М. Оптинский монах Виктор Вейденгаммер – персонаж романа И. С. Шмелева «Пути небесные» // Оптина Пустынь. Официальный сайт ставропигиального мужского монастыря <https://www.optina.ru/pub/p15/?ysclid=mdsrzkow3a420546399> (дата обращения: 1.08.25).
- Никонов В. А. Имя и общество. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974.

References

- Bek, A. F. (ed.). 2014. *Svyatye ugodniki Bozhii v russkikh familiyakh: Etimologicheskii slovar'* [Saints of God in Russian Surnames: Etymological Dictionary]. Samara: As Gard.
- Dzyga, Ya. O. 2013. *Tvorchestvo I. S. Shmeleva v kontekste traditsii russkoi literatury* [The Works of I. S. Shmelev in the Context of Russian Literary Traditions]. Moscow: BUKI VEDI.
- Efremov, S. A., and I. L. Efremova. 2017. Pravoslavnye traditsii imyanarecheniya v tворчестве I. S. Shmeleva [Orthodox Naming Traditions in the Works of I. S. Shmelev]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya»* [Bulletin of Tver State University. Philology Series] 3: 19–28.

- Kutyrina, Yu. A. 1957. «Puti nebesnye». Zametki k tret'emu nenaopechatannomu tomu [«The Ways of Heaven». Notes for the Third Unpublished Volume]. *Vozrozhdenie* 66: 16–33; *Vozrozhdenie* 70: 59–72.
- Lisenkova, I. M. 2013. Aktualizatsiya soderzhaniya imeni sobstvennogo v proizvedeniyakh I. Shmeleva i M. Palei (na materiale romana «Puti nebesnye» i povesti «Kabiriya s Obvodnogo kanala») [Updating the Content of Proper Names in the Works of I. Shmelev and M. Paley (Based on the Novel «The Ways of Heaven» and the Story «Cabiria from the Obvodny Canal»)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* 6: 239–244.
- Lyubomudrov, A. M. (ed.). 2023. *I. S. Shmelev: pro et contra, antologiya* [I. S. Shmelev: Pro et Contra, Anthology]. Vol. 1. Saint Petersburg.
- Lyubomudrov, A. M. *Optinskii monakh Viktor Veidengammer – personazh romana I. S. Shmeleva «Puti nebesnye»* [Optina monk Victor Weidenhammer – a character in I. S. Shmelev's novel «The Ways of Heaven»]. Optina Pustyn': Ofitsial'nyi sait stavropigial'nogo muzhskogo monastyrya [Optina Pustyn: Official website of the stavropegeic monastery] <https://www.optina.ru/pub/p15/?ysclid=mdsrzkow3a420546399> (accessed: August 1, 2025)
- Nikonov, V. A. 1974. *Imya i obshchestvo* [Name and Society]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka».

LITERARY ANTHROPOONYMS IN THE NOVEL BY I. S. SHMELEV «THE WAYS OF HEAVEN»

Abstract. The conducted research allows us to conclude the formal and functional diversity of the anthroponyms in the novel «The Ways of Heaven», the distinctive feature of which is the presence of prototypes and subordination to Shmelev's endeavour to a new aesthetics, his desire to «divinize» literature. The writer's conceptual idea of spiritual growth and the struggle with passions is determined by the semantics of the etymologically significant names of Daria Koroleva and Viktor Veidenhammer. The onomasticon of the main character's name represents an uneven gap between the poles of sin and holiness, with a greater predominance of positive connotations in the naming of the heroine, who maintains dignity and integrity in the most ambiguous novel situations. Addressing the main and secondary characters, Shmelev uses all possible names, including their various forms, resorting to the use of patronymics, nicknames, appellative vocabulary, the technique of anonymity and assimilation to characters of Russian and world literature. The use of real names also allows Shmelev to recreate the atmosphere of Moscow in the second half of the 19th century. As a general principle the anthroponyms of the novel reflect the author's intention, tie the narrative strands of his work, describe the characters and their relationships, and also support the intertextual connections of the novel.

Keywords: I. S. Shmelev, «The Ways of Heaven», literary anthroponym, naming, spiritual novel, intertextuality.

Authors Info: Gudzova, Yaroslava O. – Dr. of Philology, Chair professor of the Department of Humanities Moscow International University (Moscow, Russian Federation), E-mail: disava@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6441-8156>

For citation: Gudzova, Y. O. 2025. Literary anthroponyms in the novel by I. S. Shmelev «The Ways of Heaven». *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 42: 61–69

